

0.

Бродяжка сидел в пыли рядом с рынком и громко вещал всем, кто хотел — или был вынужден — его слушать.

— Грядет, грядет! Он уже здесь! Его глаза смотрят на вас из мрака.

На его худом теле болталось то, что окружающие могли принять за мешок из-под зерна. На талии веревка. Отросшие темные волосы грязными космами падали на лицо.

— Он уже здесь! Здесь!

Люди бросали на нищего косые взгляды, но не останавливались. Да он и не особо жаждал этого, переругиваясь с пылью, стенами домов и трепетавшими на ветру навесами рыночных лавок.

Мимо прошла женщина с плетеной корзиной, в длинной юбке и цветастой шали. Такие привозили из Элемира и утверждали, что ткачихи грезили, пока их создавали,

именно поэтому цвета настолько яркие. Мысль о появлении новых красок, конечно же, казалась менее привлекательной.

Рядом с ней шагал ребенок, который смотрел на бродягу раскрыв рот. Обычно джаданы следили за порядком и гоняли бездомных, им полагалось сидеть ближе к храмам, а не к рынку. Этого, очевидно, пропустили.

Одернув ребенка, горожанка буквально потащила его вперед.

— Он уже здесь! Рожден, чтобы уничтожить империю.

Пророчества не такая уж редкость, но ими занимается особый жреческий орден. Из уст бродяги они воспринимались явным признаком безумия. Жаль его, но пойдём-ка дальше на рынок, да побыстрее, слава богам, что нас это не коснулось.

Бродяга подскочил, потрясая костлявым кулаком:

— Он рожден, чтобы уничтожить империю!

Жрецы появились неожиданно, буквально выступили из пыли. Остановились точно перед оборванцем: длинные одежды белых и песчаных цветов, бритые головы у двух мужчин и собранные волосы у женщины. Цепочки жемчужин, окутывающие, как паучьи сети. На тыльных сторонах ладоней каждого — оранжевые знаки жрецов.

Бродяга посмотрел на мужчину со шрамом на щеке и тихо, но уверенно сказал:

— Он всё разрушит. Утопит в крови.

Жрец кивнул и сделал приглашающий жест:

— Идем в храм, сын мой. Там тебе дадут кров и выслушают. Ты расскажешь всё, что видишь.

Бродяга неуверенно переминался с ноги на ногу, не зная, стоит ли верить жрецу. Или уходить с улицы, с которой он успел сродниться.

Но внезапно наклонился и зашептал:

— Он рожден, чтобы уничтожить всё!

— Знаю, — спокойно кивнул жрец.

Это убедило нищего. Он кивнул и вместе с одним из жрецов отправился к храму, оставив того, что со шрамом, и женщину.

Она хмурилась, голос её звучал негромко:

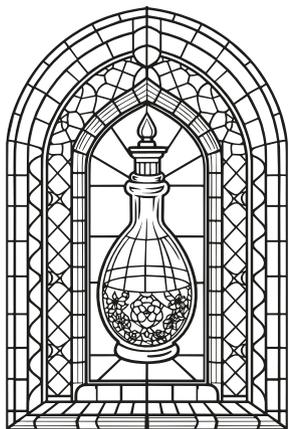
— Ты уверен? Мы не получали Истинных пророчеств десять лет. А он ведь даже не жрец!

— Ты его слышала. Он видит то же самое, что наши лучшие эльхары десять лет назад. Мы не избежали катастрофы, мы ошиблись. Наш долг — узнать больше у этого несчастного. И устранить угрозу.

— Снова запятнаешь руки королевской кровью?

— Что угодно ради благополучия империи.

1. БЕРИЛЛ

Берилл поднялся, тяжело дыша. Рубашка пропиталась потом и прилипла к спине, на теле осталось порядочно синяков.

Сжимавшая меч рука ослабла. На тренировках он предпочитал доходить до крайней степени изнеможения, только тогда можно считать «достаточно».

Сегодня их прервали.

В дверях зала застыл слуга, не смея поднять глаза:

— Ваше высочество принц Берилл, Придворный алхимик срочно просит зайти.

Берилл нахмурился, Агат рядом хмыкнул. Он тоже пытался перевести дыхание, опустив меч:

— Похоже, братец, на сегодня тренировки окончены.

Агат никогда не отличался усердием и наверняка только рад был поскорее закончить с ненавистными ему мечами и вернуться к магии. В последнее время он вообще

упражнялся вяло, старался поскорее закончить, и это дико раздражало Берилла. Если взялся за дело, то выкладывайся полностью. Серdito глянув на брата, Берилл убрал оружие на стойку и направился к дверям.

— Даже не переоденешься? — Агат вскинул брови. — Я так понимаю, раз уж все отчаялись соблазнить эту красотку, ты решил действовать наверняка и сразить её своим благоуханием. Наповал!

— Это ты мечтаешь всех соблазнить, — беззлобно отозвался Берилл. — А я собираюсь выяснить, что ей надо.

— Почему смеет вызывать наследного принца?

Агат слишком хорошо его знал. Потому что Берилла действительно раздражало, что алхимик посмела звать его, как домашнего питомца.

Хотя Берилл догадывался о причине. Именно поэтому и пошел.

Единственное, что он себе позволил, — по дороге всё-таки приказал слугам подать воды и наскоро умылся. В остальном ему хотелось, чтобы алхимик увидела его именно таким, встрепанным и потным. Чтобы не осталось сомнений, что она прервала его.

Замок империи Шеленар, которую чаще называли Орихалковой, был таким же огромным и разнообразным, как её земли. Берилл родился и вырос в этих стенах, но даже у него ушло порядком времени пройти через все эти причудливые каменные галереи, мимо гобеленов и мозаик, испещренных позолоченными росчерками.

Всех членов императорской семьи называли в честь драгоценных камней. Имена их душ, данные при рождении, не разглашались. Берилл считал, что мало походит

на минерал, в честь которого получил имя: крепкий, как отец, но слишком изящный, в ту заморскую наложницу, которая стала его матерью. Отчасти поэтому Берилл считал, что ему нужны дополнительные тренировки. Он не хотел быть слабым.

Таких во дворце сжирали с потрохами.

Агату проще, он младший принц, его мало кто берет в расчет... может, только Берилл и знает, что брат отнюдь не столь легкомыслен, каким хочет казаться. У него цепкий ум, но отличная маскировка, чтобы не показывать истинной силы.

Он тоже помнит Алмаза. Хотя в то время еще не вырос до официальных церемоний и его не было на пиру, где наследного принца убили. Когда Берилл внезапно для самого себя занял место мертвого старшего брата и понял, что дворец — это пруд с хищными рыбами, каждая из которых чует кровь и хочет цепануть от тебя кусочек.

В комнатах Придворного алхимика царили тепло и горьковатый аромат трав, под которым скрывался металлический привкус. Берилл напрягся, догадываясь, что это, но внешне оставался спокойным.

— Ты прервала мою тренировку, Ашнара.

Она сидела за столом с разложенными склянками и записями. Её платье состояло из нескольких видов ткани иссиня-черного цвета, светлые волосы алхимик собрала и небрежно закрепила нефритовыми заколками, но несколько прядей упорно выбивались.

Ашнара Далай обернулась, оглядела Берилла и поморщилась:

— Будь добр, помойся и переоденься. Ты принц, а не мужлан с конюшни.

- Давай ближе к делу.
- Мне еще надо кое-что закончить.
- Ты сама сказала, это срочно.
- Не думала, что ты и правда сразу явишься. Видимо, не терпится попробовать.

Она махнула рукой в сторону огороженного шелковой ширмой пространства, за которым скрывалась каменная купальня со всегда теплой водой из источников под дворцом.

В покоях Придворного алхимика только лучшее.

Вздохнув, Берилл приказал слугам принести сменную одежду, стянул пропитанную потом и с наслаждением опустился в купальню. Он слышал, как Ашнара постукивала склянками, и мог представить её сосредоточенное лицо.

Она была красива и молода, как и все алхимики. И это было иллюзией, как и у всех алхимиков. На самом деле они жили долго, очень долго, накапливая мудрость, знания и порой делясь ими с монархами или магами.

Ашнара приехала во дворец после гибели Алмаза. Отца не столько опечалила смерть старшего сына, сколько разозлила. Кто-то посмел убить его в стенах дворца! Поэтому он захотел лучшего алхимика. Ашнара согласилась.

Невысокая, хрупкая, сейчас она едва ли доставала Бериллу до плеча. С лицом сердечком и большими темными глазами в обрамлении густых ресниц. Кто-то говорил, что на самом деле она не человек, а легендарный дракон — или наполовину дракон, и именно поэтому, а не из-за алхимии, она не изменилась с того дня, как Берилл впервые её увидел.

Каждый из юных аристократов пытался её соблазнить, но ни у кого не выходило. Ашнара оставалась неприступной и недосягаемой.

Берилл вымылся ароматным мылом и розовой водой, надел подходящие принцу свободные белые одежды с золотым шитьем и тонкие черные перчатки. Последние считались традицией, отличавшей аристократов от простых жителей империи, которые не могли позволить себе непрактичную роскошь, но Берилл прекрасно знал, что дело в другом. В прошлом слишком многих отравили через прикосновения к пропитанным ядом вещам.

Берилл подошел к Ашнаре, сидевшей на стуле и рассматривавшей его. Она с удовлетворением кивнула:

- Теперь ты больше похож на будущего императора.
- Если доживу.
- Из-за этого и позвала.

Алхимик взяла склянку и подняла, сжимая её длинными тонкими пальцами. Поставила перед собой.

- Новое зелье, — Берилл попытался скрыть волнение.

Именно за этим она звала. Именно поэтому Берилл спешил к ней. Каждое новое зелье наконец-то могло стать удачным.

- На этот раз должно получиться, — сказала Ашнара. — Я учла все факторы.

Она поднялась и в этот момент действительно казалась прекрасной без всякой алхимии или магии. Уголки губ приподнимались в улыбке, глаза сияли, и Берилл легко мог поверить, что в девушке действительно течет драконья кровь.

Не сдерживаясь, Берилл наклонился и поцеловал. Её губы открылись ему навстречу, она потянулась, прильнула.

Сколько раз он прижимал её к себе в этих покаях, подхватывал и усаживал на стол, ненароком разбивая одну-другую склянку! Она отдавалась ему со всей страстностью и покорностью, которую сложно было заподозрить во властном алхимике.

Только неизменно просила держать их связь в секрете.

Берилл тоже не жаждал кому-то рассказывать. Даже Агату. Как принц, Берилл всегда оставался в опасности и прекрасно это осознавал, но не хотел рисковать кем-то еще. Никто не должен знать, что у него есть близкие.

К тому же алхимики не имеют права вступать в связь с теми, кому служат. Ашнара рассказала, что у них очень строгие правила на этот счет. Узнав, её в лучшем случае отзовут из дворца. Что случится в худшем, она не говорила.

Сейчас Ашнара отпрянула, даже сделала шаг назад и указала на зелье:

– Сначала попробуй. Хочу знать, подействует ли.

Берилл с трудом сдержался, чтобы снова не притянуть её к себе. Вдохнул и подхватил флакон с зельем. Полночно-синее, со сполохами.

– Я знаю этот цвет, – голос Берилла дрогнул. – Чью кровь ты использовала?

Ашнара отвела глаза:

– Агата.

– Он...

– Всё знает. Думал, сможешь скрыть от младшего брата, что умираешь? Он догадался. Пришел ко мне. Я не стала врать, потому что его кровь могла помочь с зельем. Он согласился.

— И ничего не сказал мне?

— Вы оба выросли во дворце. Научились скрывать и недоговаривать. Я хотела испробовать зелье, а если всё получится, то рассказать.

Теперь Берилл понял, что за «недомогание» было у Агата пару дней назад, почему сегодня он тренировался так вяло. Для того чтобы сделать небольшую склянку подобного зелья, требуется взять очень много живой крови.

— Составы на крови работали лучше всего, — нетерпеливо пояснила Ашнара. — Агат твой брат, его кровь должна довести формулу до совершенства. Пробуй.

Берилл открыл пробку и залпом выпил содержимое флакона. Зелье чуть горчило на языке, а потом оседало противным металлическим привкусом. Берилл зажмурился и запретил себе думать, отчего это. Иначе рисковал исторгнуть зелье обратно, а тогда всё будет зря.

Не только Алмаза отравили в тот день. Берилл был на том пиру, тоже ел поданные рисовые шарики с медом — сладость скрыла вкус яда.

Алмаз умер тогда в долгой агонии, захлебываясь кровью и раздирая руками камзол на груди. Берилл принял меньше яда, болел несколько дней. После чего объявили, что младший принц выздоровел и стал наследным.

Конечно, отец отыскал потом тех, кто это сделал. Вздорный аристократ, который поссорился с Алмазом и ненавидел его. Никаких заговоров против трона, император и не ел сладости, все это знали, а вот принцы их обожали.

К сожалению, яд остался в теле Берилла, притаился, иногда давая о себе знать мигренями. Хуже всего, что годы

спустя он мог снова вспыхнуть, оставив Берилла слепым, парализованным — или попросту убив.

Именно Ашнара распознала это, когда Берилл вырос, она случайно стала свидетелем его мигрени. Именно она начала искать зелье.

Берилл глубоко вздохнул и посмотрел на Ашнару:

— Как мы узнаем, подействовало или нет?

Она склонила голову, наблюдая, будто перед ней любопытнейший эксперимент.

— Если подействует, ты ничего не почувствуешь, но яд растворится, уйдет навсегда. Если не подействует... что ж, тебя вырвет.

Берилл вздохнул и уселся на стул. Что ж, придется подождать. Он уже ощущал, что зелье ухнуло вниз, разлилось теплом, но больше не вставало поперек горла.

Берилл постукивал пальцами по столешнице, ожидая Агата.

В небольшой комнате, утопавшей в коврах, уже накрыли на стол, и молчаливые слуги растворились за дверью. Принцы не любили, когда рядом кто-то оставался.

Их ужины стали давней традицией и на самом деле охранялись и воинами у покоев, и теми, кто пробовал все блюда перед подачей.

Берилл старался сохранять спокойствие, рассматривая накрытые прозрачными крышками тарелки, но всё равно постукивал по столешнице пальцами. Сегодня особенно хотелось поделиться тем, что зелье сработало.

Берилл глянул на окно, где за тонкими занавесками уже сгущались сумерки. Они ужинали с закатом, хотя Агат нередко опаздывал. Но сегодня это было странно. Он ведь наверняка догадывался, зачем позвала Придворный алхимик и что за зелье попробовал Берилл.

Дверь распахнулась, но оказалось, это всего лишь слуга.

— Ваше высочество, принц Агат просил передать, что не сможет присоединиться к вам.

Такое случалось и обычно означало, что у Агата внезапное свидание или он увлекся какой-то магической книгой.

Только он всегда предупреждал заранее.

— Принц Агат у себя?

Слуга кивнул, и Берилл резко встал. Сегодня оставался единственный вариант, почему Агат мог не выходить из своих покоев.

Отшатнувшись, слуга пропустил принца, едва успев отскочить с дороги. Есть Бериллу всё равно не хотелось, но он коротко распорядился, чтобы ужин на двоих подали в комнаты Агата через час. Им хватит времени.

Покои принцев располагались в разных частях дворца, ведь их положение тоже было разным. Берилл как наследный принц занимал целое крыло, Агат — всего лишь комнаты в той части дворца, где жили остальные принцы.

Матерью Алмаза была прекрасная царевна из Фехала, ставшая женой императора. Любимая, почитаемая и скоропостижно скончавшаяся. Никаких отравлений, обычная болезнь.

Император любил посещать наложниц, и одна из них дала жизнь Бериллу. Крепкому и здоровому, как и Алмаз.

Но основное внимание отца досталось наследнику, что Берилл искренне считал благом. А вот с третьим сыном долгое время не складывалось. Мать Берилла умерла при родах, а мальчик, появившийся на свет от другой наложницы и даже получивший имя — Лазурит, не прожил и нескольких месяцев.

Следующей, кто смогла произвести на свет здорового ребенка, оказалась наложница, прибывшая из Дашнадана. Земли, считавшейся проклятой и забытой богами.

Но принц оставался принцем, его отцом был император, и мальчик получил имя Агат.

Как подозревал Берилл, мать Агата умерла не из-за несчастного случая, а из-за козней советников. Она забеременела, и были те, кто не мог допустить рождения очередного принца. Они верили, что проклятая дашнаданка знает заговоры и травы, чтобы получались именно сыновья.

Берилл приблизился к комнатам Агата и решительно толкнул резные створки. Наследный принц стучал только в одни двери дворца — императорские.

В спальне царил полумрак, разгоняемый лампой на прикроватном столике. Агат сидел раздетый по пояс на кровати, перед ним лежала чистая ткань, рядом пузатая бутылка с настоем ромашки и ладанной смолы. В комнате стоял густой цветочно-бальзамический запах. Агат смачивал чистые тряпицы и неловко пытался дотянуться до спины.

— Надо было дверь запереть, — хмуро сказал Агат, глядя на брата.

— Он опять?

— Ничего страшного.

Берилл решительно уселся и перехватил смоченную тряпку. Агат вздохнул, картинно закатил глаза, но повернулся спиной. Поверх старых тонких шрамов уродливо бугрились свежие рубцы.

– Я его...

– Что? – насмешливо спросил Агат. – Убьешь?

Не торопись, тебе рановато садиться на трон.

Бериллу приходилось участвовать в стычках на границе: отец считал, что подросткового сына стоит брать с собой, особенно когда он стал наследником. Кровь не пугала Берилла, ему уже приходилось убивать. Агат позже ездил с ними, и Берилл хорошо помнил, как сам зашивал неглубокую, но неприятную рану на плече брата, пока тот шутил и смеялся.

Шрамы на спине Агата вызывали у Берилла ярость. Они не были получены в честном бою, не принадлежали ни битвам, ни тренировкам.

Берилла отец ударил пару раз в жизни. Насколько он знал, Алмаза никогда не трогал. Агату доставалось по полной. Как утверждал император, это помогало против дурной крови матери-дашнаданки, сдерживало проклятые силы. Как подозревал Берилл, отец попросту оправдывал себя.

Агата император всегда недолюбливал. Хуже стало, когда тот увлекся не воинским искусством, как пристало принцу, а магией.

Неважно, как упорно Агат тренировался с оружием. Неважно, что он всего лишь немного уступал Бериллу. Он интересовался магией, и одно это вызывало гнев императора.

Когда-то давно Агат попытался ответить. Огрызнулся.

Он потом неделю едва мог встать с постели. Но ужасало Агата не это, а вывихнутый палец. Пусть он больше изучал магию, нежели занимался ею, но чароплетам важны руки. После этого он предпочитал молчать — отец выплескивал ярость, но больше не трогал пальцы.

— Что ему опять не так? — Берилл даже не пытался скрыть злость.

— Да как всегда, — уклончиво ответил Агат.

— Ты... грезил?

— Нет. Отец пришел ругаться, ему доложили, что я несколько дней не тренировался.

Потому что отдал много крови Придворному алхимику. Берилл не успел этого сказать, Агат уже извернулся, чтобы хитро посмотреть:

— Я догадывался о тебе и Ашнаре. Она подтвердила. Почему ты ничего не рассказывал?

Берилл снова не успел ответить, потому что Агат тут же как-то потух и опустил глаза, пробормотав:

— Хотя правильно, с чего бы.

Детьми и подростками они были близки, все трое. Когда Алмаз умер, а Берилл достиг совершеннолетия, он надолго уезжал с отцом в его безумные жестокие походы. После этого старался держать дистанцию: он многое понял, в том числе и то, что не только отец может причинить брату боль. Он просто боялся.

Берилл никак не мог убедить Агата, который почему-то стал считать, что это он недостойн доверия. Может, слишком крепко и часто отец пытался вбить в него мысль о недостойности и дурной крови.

— Как прошло? — нарочито бодро спросил Агат. — Вряд ли она позвала обжиматься. Она... сделала зелье?

— Да. Вроде бы получилось.

— Правда? — на этот раз Агат действительно обрадовался, а не изображал воодушевление. — Это же здорово!

— Мог бы и сказать...

— Какой тогда сюрприз!

Неожиданно Берилл понял, что его по-прежнему мутит. Вряд ли причиной были раны, он видел и пострашнее, в том числе у брата. Голова не кружилась, но стала легкой.

Берилл едва успел перегнуться через кровать, когда его вырвало. Несколько раз, пока не вышло всё, что было внутри, а спазмы не сменились сухим кашлем. Голова вдруг стала, наоборот, тяжелой, и Берилл ощутил, как её стискивает очередная мигрень.

Агат осторожно его поддерживал и успокаивающе гладил по спине.

— Похоже, не сработало, яд по-прежнему внутри. Ничего, придумаем что-нибудь еще. Ты распорядился об ужине? Надо поесть.

